

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ОПИСАНИЮ ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА

А. В. Соснин

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики (Нижегород)

Поступила в редакцию 26 января 2012 г.

Аннотация: в статье даются теоретические предпосылки семантического описания лондонского текста; объясняется его гипертекстовая природа, рассматривается его таксономическая структура; описывается отличие текста от его объекта; указывается, благодаря чему достигается связность текста, дается обоснование его вероятностного характера. Практическое описание лондонского текста предлагается осуществлять на основе литературных произведений, входящих в английский литературный канон, чем обеспечивается симбиоз языкознания и литературоведения в рамках общей семиотики. Предложенная программа семиотической интерпретации сверхтекстов подходит для описания сложных ментальных образований.

Ключевые слова: лондонский текст, гипертекст, интерпретирующая семантика, семиотика, когнитивистика, таксономия, связность текста, стохастичность, английский литературный канон.

Abstract: listed in the article are theoretical prerequisites to a semantic description of the London text. The author expounds the hypertextual nature of the text, analyses its taxonomic structure, compares the text with its object, and presents it as a cohesive but at the same time stochastic entity. It is suggested that the practical description of the London text should be made on the basis of the literary works constituting the English literary canon, which will ensure the conformity of linguistics and literary studies within the framework of general semiotics. The suggested strategy of the semiotic interpretation of super-texts is suitable for describing complex mental constructs.

Key words: London text, hypertext, interpretative semantics, semiotics, cognitive studies, taxonomy, textual cohesion, stochasticity, English literary canon.

Лондонский текст: постановка проблемы

Исследование основных составляющих английскости, установление наиболее важных, вековых характеристик англичан и Лондона как образующего фактора английской цивилизации невозможны без обращения к «лондонскому тексту», который эмпирически обобщает произведения, где фигурирует английская столица. О *городском тексте* стало возможным говорить в связи с тем, что в рамках современной парадигмы гуманитарного знания понятие «чтение» получило широкое применение для описания взаимодействия с самыми различными знаковыми системами. Расширилось не только информационное пространство, в классическом виде оформленное с помощью грамматики, внутритекстовых связей и семантических изотопий (письменный текст), прямой или обратной перспективы (живопись), но и сама форма информационности.

Для О. Шпенглера, например, существует «грамматика и синтаксис языка форм всех строгих искусств, с соответствующими правилами и законами, с внутренней логикой и традицией» [1, с. 256–257]. Шпенглер «прочитал» Европу как текст, по модернистской двойной диагонали крест-накрест, и вот

итог порождающего текст чтения: «жизнь нации и ее структура – в горизонтальной – не вертикальной, силуэтной! – проекции города»; «горизонтальная проекция городов есть отражение судеб народа; лишь вырисовывающиеся в силуэтах башни и купола рассказывают о логике в картине мира их строителей, последних причинах и действиях в их вселенной» [ibid.]. Так осуществляется переход от топоса к тексту.

Понятие городского текста отражает неклассический тип художественного мышления и новые эстетические реалии XX в. Под городским текстом в литературоведении понимается комплекс образов, мотивов и сюжетов, который воплощает модель городского бытия как специфического феномена культуры. Наиболее полно проблема исследования структуры городского текста была поставлена в статьях В. Н. Топорова [2] и Ю. М. Лотмана [3]. Понятие «городской текст» было введено в научный оборот и теоретически обосновано академиком В. Н. Топоровым в 1973 г. в работе «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления» [4], в которой говорится о том, что город имеет особые свойства, характерные структуры, делающие его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания. В итоге город становится культурной семиосферой:

не только средоточием цивилизации и культуры, но и неким сакральным топосом, на который накладывается сетка символично-мифологических представлений. Как отмечает Ю. М. Лотман, текст в семиотике определяется «не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции: как текст может выступать и отдельное произведение, и его часть, и композиционная группа, жанр, и в конечном итоге – литература в целом» [5, с. 178]. В. В. Абашев объясняет появление городского текста следующим образом: «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» [6, с. 11–12].

Действительно, исследуя город / читая текст, человек устанавливает в кратковременной памяти непосредственные связи между объектами городского ландшафта / единицами прочитанной информации и делает логические и ассоциативные умозаключения. При дальнейшем исследовании / чтении построенные гипотезы получают развитие или опровержение [ср.: 7, с. 86]. В семантической памяти каждое понятие связано с другими понятиями, поэтому активизация в сознании одного из них вызывает цепную реакцию ассоциаций. Этот процесс продолжается до тех пор, пока дальнейшая активизация соседних пропозиций не представится нерелевантной. Город предстает как глобальный литературный текст, открытый анализу в синхронической и диахронической перспективе [8, с. 6; 9, с. 15].

Лондонский текст и гипертекстуальность

Поскольку лондонский текст – это сумма образующих его конкретных текстов, которые связаны общей тематикой и перекликаются друг с другом, его можно охарактеризовать как *гипертекст* [10], *архитект* [11, р. 7–14] или *основной текст* [12]. Это «глобальная» вербализация концепта «Лондон»¹, получаемая путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т.е. текстов, в которых наличест-

¹ Здесь приходим к принципиальной установке нашего исследования на интеграцию когнитивного и семиотического подходов, в соответствии с которой анализ социально значимых ментальных сущностей осуществляется через семантическое исследование соответствующих им текстов. О когнитивном характере семиотики см., например, сводную статью А. С. Самигуллиной «Когнитивная лингвистика и семиотика» [13].

вуют вербализации данного концепта; это теоретико-множественная сумма признаков, характерных для произведений, которые составляют субстрат лондонского текста.

Автор понятия «гипертекст» Теодор Нельсон определяет его как «*non-sequential <...> network of nodes which readers are free to navigate in a non-linear fashion*» [10]. Гипертекст напрямую связан с интертекстуальностью, так как обладает способностью выражать межтекстовые связи. Гипертекст многомерен, нелинеен и стохастичен. Он строится на основе интерсемиотичности, а межтекстовые переключки и совпадения образующих его текстов объясняются более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание – не влиянием одного текста на другой, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверхтрадиции»². Как отмечает А. Е. Бочкарев, «обобщение такого рода имеет тем большее основание, что отражает помимо индивидуальных авторских интенций общую концептуальную систему» [14, с. 67].

Итак, гипертекст характеризуется размытыми границами и дискретностью. Современный Лондон – это также не замкнутое, не *огороженное* пространство, не «*town*» в его историческом понимании как «*enclosed place*». Это город неопределенности, хаотическое, запутанное, «расползающееся» пространство – «*suburban sprawl*»³. Такой подход порождает новую (деконструктивистскую) когнитивную парадигму городской топографии, когда город, подобно гипертексту, становится лабиринтом с множеством входов и выходов и когда, блуждая по нему, человек может внезапно оказаться очень далеко от отправной точки в познании / интерпретации города. В своем фундаментальном труде «*London: the Biography*» современный английский писатель Питер Акройд пишет о британской столице следующее, подразумевая возможность выбора предпочтительного пути ее прочтения: «*The more nebulous its boundaries, and the more protean its identity, has it now become an attitude or set of predilections?*» [15, р. 767].

Семантическое построение лондонского текста

Реконструкция лондонского текста (и соответственно выделение набора концептуальных признаков) осуществляется на основе семантического анализа произведений английской литературы с XVI по XXI в., включенных в английский литературный ка-

² О схожести описаний Лондона у различных авторов см. далее – раздел «Связность лондонского текста».

³ Наряду с семей /*semiotic system*/ смысловые компоненты /*sprawl*/ и /*diffused boundaries*/, очевидно, являются основанием метафорического переноса *London – hypertext*.

нон⁴, которые так или иначе связаны с Лондоном; причем сближает анализируемые произведения не только тема, но и сходная ее трактовка. По В. Н. Топорову, единство архитекста определяет не столько объект описания с характерными для него климатическими, топографическими, этнографически-бытовыми и культурными условиями, сколько единая смысловая установка [18, с. 259–399] или, другими словами, «предикация сходных признаков, актуализируемых во всем корпусе привлекаемых текстов» [14, с. 67]. Предикация, как известно, разделяется на два этапа. Первый этап (предикация в узком смысле) – это создание пропозиции, соединение смыслов более элементарных языковых выражений – незавершенная предикация; второй этап (предикация в широком смысле) – это утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности («реальной» или литературной) – завершенная предикация [19], т.е. интерпретация языковой последовательности относительно возможного «малого» мира, ситуации или эвентуальности в терминах привнесения новых семантических признаков в исходный, «словарный», набор признаков, соответствующий лексеме «Лондон», и/или обнуления каких-либо признаков в этом наборе. Конкретный набор признаков, соответствующий лексеме «Лондон» в конкретном контексте, будем вслед за французскими лингвистами Б. Потье [20, р. 30] и Ф. Растье [21, с. 365] называть *семемой*. Положим, что есть функция (назовем ее *Extension* или EXT), которая на основе операций интерпретации (анализ, сохранение, конденсация, транспозиция, субституция, погашение, добавление [14, с. 54–55]) позволяет находить проявления сущностей в мирах, которые мы задаем в качестве аргумента. Так, если дан мир w и сущность L (выражаемая набором семантических признаков), то $EXT(L)(w)$ будет подмиром, который является проявлением L в мире w , т.е. результирующий набор признаков $L_j = EXT(L)(w)$ [22, с. 163]. Мир w – это трансформация «онтологически реального» мира W в зависимости от социолектных и идиолектных установок автора как конструктора текста / данного мира w и читателя как его деконструктора.

⁴ Совокупность произведений, имеющих принципиальную значимость для социума и изучаемых в средней и высшей школе в стране исследуемого языка. Именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка. В связи с определением литературного канона возникает ряд вопросов (об определении его границ, о «центральных» и «периферийных» авторах, о критериях отбора произведений) [16, р. 76–93; 17]. В любом случае необходимо учитывать, что литературный канон – это аппроксимирующий конструкт, открытый изменению в диахронической перспективе.

Таксономическое структурирование лондонского текста

В качестве сущности L также могут рассматриваться семемы, входящие в *таксемы* или классы семем, которые соотносятся по одной или нескольким общим семам с семемой, которая вербально репрезентируется лексемой «Лондон». Практически во всех текстах, где фигурирует наименование «Лондон», оно прежде всего истолковывается (i) как урбанизированное пространство, город; (ii) как столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/⁵ и /capital city/ всегда присутствуют в актуализованном или виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area//⁶ и //capital city//, в состав которых входят семемы ‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’, ‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘ecumenopolis’, ‘capital’. Данные семемы представляют собой гипо-гиперонимический ряд (ряды) и строятся на иерархии сем (например, по возрастанию степени урбанизации пространства). За счет изучения синтагматических и парадигматических связей этих семем и подстановки их в формулу $L_j = EXT(L)(w)$ представляется возможным выявить больше признаков лондонского текста, чем если бы в качестве L мы брали только «словарную» семему ‘London’. Суммируя полученные смыслы, которые выявляются в интерпретирующих семемах в зависимости от контекста, можно получить достаточно полное семантическое описание исследуемого текста, т.е. рассмотреть его в большинстве проявлений. Перечисленные семемы будем отождествлять со слоями или уровнями лондонского текста.

Каждый элемент лондонского текста потенциально обладает всей суммой возникающих в разных ситуациях значений. Отсюда предельная неопределенность, стохастичность каждого элемента. Частная задача исследователя при таком подходе – создать относительно полный перечень регулярных семантических (статических и динамических) отношений между семемами и их классами, значимых для корпуса текстов, которые входят в лондонский текст.

Выделение сем и семем осуществляется не референциально, а интенционально⁸: семы определяются

⁵ /сема/ – условное обозначение семы.

⁶ //таксема// – условное обозначение таксемы.

⁷ ‘семема’ – условное обозначение семемы.

⁸ Интенционал, т.е. совокупность семантических признаков, определяет некоторую сущность, «вещь» возможного, хотя не обязательно актуального мира. Возможный мир в семиотике – это мир, состоящий из предметов, индивидов, сущностей, соответствующих интенционалам какого-либо языка. Возможный мир строится по законам логики, он внутренне целесообразен и логичен, но его интенционалы не завершены экстенционалами, для них в определенном смысле нет необходимости находить существующие «вещи» в

через отношения между семемами; эти отношения детерминируются лингвистическим и ситуационным / прагматическим контекстом; определение семемы также является исключительно дифференциальным. В противном случае возникла бы проблема описания безденотатных имен типа *ecumenopolis* («город-мир» применительно к Лондону) и трактовки метафорических употреблений типа *London is a prison*, не являющихся истинными с точки зрения референции к объектам действительного мира.

Отличие лондонского текста от самого города

Соответствующая лондонскому тексту онтологическая реальность не вполне адекватно отражается в нем, и свобода текста применительно к используемому материалу относительна [ср.: 17]. При выявлении признаков исследуемого текста нельзя ограничиться «объективно истинной» стороной онтологического бытия: для описания такого сложного явления необходимы литературные тексты, а речь в них идет не только о том, что имеет место в реальном мире, но и о том, что могло бы быть в некотором возможном мире – ассумптивном универсуме, зависящем от личности автора, интертекстуальной рамки, стилиевой отнесенности, аксиологических установок и пр. Предметом анализа соответственно становится не мир как таковой, а его концептуализация в рамках некоторой системы мнения (ср.: признак /foggy/ в составе лондонского текста – реальный или опосредованный литературной традицией?), что, однако, не означает отказа от действительного мира, но предполагает разграничение реальности и текста, между которыми, безусловно, существует некоторое соответствие. Ограничившись онтологически существенными свойствами, лингвистика замкнулась бы на «вещах», в то время как они «существуют» в языке в виде ценностных суждений (действительно, выражение *London is Babylon* не истинно, но обладает большой аксиологической силой) [ср.: 14, с. 17–19]. Таким образом, исследователь лондонского текста должен принять условия сложнейшей семиотической игры, в которую вступают различное и тождественное, реальное и мнимое, преходящее и вневременное; в которой временные планы смешиваются, а время и

актуальном мире. Как отмечает Ч. Моррис, могут существовать знаки, по существу ничего не обозначающие, т.е. имеющие недействительную денотацию. Понятие знака предполагает понятие десигната, но отсюда не следует, что обозначаемые объекты должны существовать реально [23, с. 59]. Так, по замечанию Ц. Тодорова, фразы, составляющие литературу, являются «ложными» не в большей степени, нежели «истинными»; родоначальники современной логики (например, Фреге) обратили внимание на то, что литературный текст не поддается испытанию на истинность, что он ни истинен, ни ложен, он вымысел [24, с. 358].

пространство перетекают друг в друга. Вслед за В. Н. Топоровым можно сказать, что к знаковой перенасыщенности города присоединяется таковая текста [25].

Особого внимания заслуживает принципиальная установка лондонского текста на отсылку к прецеденту, цитате, аллюзии, к сложным композициям по типу коллажа, к склеиванию литературных персонажей⁹ или их трактовке наряду с реальными лицами¹⁰, к метафорическому «переодеванию» и переименованию (Лондон как Вавилон, Иерусалим, Рим, Афины).

Лондонский текст представляет собой предельно усложненный конструкт аккумулярующего типа, характеризующийся высокой степенью стохастичности и неопределенности. Представляется, что текст такой сложной структуры не может быть простым отражением Лондона; он предполагает более высокие цели, в нем воплощен английский человек, Англия и весь (цивилизованный) мир.

Связность лондонского текста

При анализе конкретных текстов, входящих в лондонский текст, нельзя не отметить существенную близость описаний Лондона у различных авторов – вплоть до дословных совпадений, которые не только не скрываются, но даже как бы «афишируются». Такая метатекстовая игра, возможно, объясняется тем, что Лондон как сакральный объект, обладающий аксиологической сверхценностью, крайне настоятельно имплицитно свои собственные описания, нередко ограничивая авторскую свободу выбора (то

⁹ Например, Дик Уиттингтон, легендарный мэр Лондона и персонаж английского фольклора, основанный на нескольких реальных лицах и известный, прежде всего, по народным театральным представлениям. По преданию, вместе со своей кошкой он пришел в Лондон из Глостершира искать счастья и после многочисленных перипетий добился назначения на пост лорд-мэра Лондона, который занимал в течение трех сроков. В Англии распространено детское стихотворение: Turn again, Whittington, / Once Mayor of London! / Turn again, Whittington, / Twice Mayor of London! / Turn again, Whittington, / Thrice Mayor of London! [26, p. 1029].

¹⁰ Как справедливо замечает А. Е. Бочкарев, к высказываниям литературного текста неприменимы правила истинности и ложности [14, с. 40]. Например, выражение «Шерлок Холмс носил войлочную шляпу» [там же, с. 56] ни истинно, ни ложно, а может быть только приемлемым или неприемлемым в данной системе исчисления. Применительно к системе лондонского текста – это реальное состояние, в котором пребывает объект в семантическом универсуме А. Конан-Дойля, автора важного конституирующего текста. Музей Шерлока Холмса на Бейкер-стрит – любопытный пример того, как литературная реальность трансформирует онтологическую, а лондонский текст – сам город. Можно сказать, что Лондон и его текст связаны неким осмотическим процессом и потому так трудно установить, что в тексте от города, а в городе – от его текста.

же на уровне восприятия: в любом месте такого огромного и многообразного мегаполиса, как Лондон, он остается узнаваемым по каким-то невидимым вехам, изотопическим признакам, он все равно «прочитывается» как Лондон благодаря некоторой сквозной бытийной метафоре). В литературных произведениях, относящихся к новоанглийскому периоду, Лондон концептуализуется в соответствии с одними и теми же когнитивными моделями, а выделяемые в лондонском тексте признаки, метафоры, фреймы и сценарии остаются одними и теми же. В этом смысле мы можем говорить о кросс-темпоральности и кросс-жанровости лондонского текста, который соответственно рассматривается преимущественно с позиций синхронии (т.е. в совокупности признаков, характеризующих его на настоящий момент) или панхронии (как вместилище всех эпох и соответствующих жанров).

Таким образом, при изучении лондонского текста представляется необходимым выявить ключевые семантические изотопии (т.е. эффекты синтагматической рекуррентности одной и той же семы [21, с. 362]), позволяющие на языковом уровне осуществить единообразное прочтение текста и удерживающие его вероятностную, диффузную структуру от распада.

Определение изотопий позволяет дать семантическое обоснование метафорам лондонского текста. Построения типа *London mourns, dolent city, London is Babylon* могут показаться противоречащими правилам сочетаемости ограничений, поскольку содержат несовместимые семы (что приводит к логической «нестыковке» понятийных областей на когнитивном уровне). Чтобы истолковать метафорическое выражение, где предикат или атрибут приписывается объекту, входящему в иной семантический класс, необходимо, во-первых, нейтрализовать несовместимые признаки и, во-вторых, актуализовать какой-либо общий признак, т.е. идентифицировать и построить изотопию.

Связность лондонского текста не в последнюю очередь обеспечивается единым «лондонским словарем», которым задается лексическая и предметно-качественная парадигма текста. Это лексема «London», производные от нее образования (*Londonian, Londonese, Londonesque, Londonism, Londonize* и т. д.); корпус устойчивых речений (например, *A London jury: hang half and save half; No cousin in London, no cousin in Stockham*) и словосочетаний различной степени связности (например, *Greater London, London speech, London particular*); лексические репрезентации семем, входящих в таксемы //urban area// и //capital city//; лондонские топонимы. Вербализации лондонского текста в топонимах следует считать вербализациями его различных признаков, которые влекут за собой цепочки ассоциаций. В частности,

через Лондон, топографию его улиц раскрываются биография и творчество писателей-лондонистов. Наряду с этим в контексте такого творчества топонимы приобретают новые созначения, т.е. ассоциативные ряды, которые могут ими эвоцироваться, расширяются.

Стохастичность / вероятностный характер лондонского текста

Структура лондонского текста является калейдоскопичной, вероятностной, поскольку компоненты смысла актуализуются в контексте и могут не осознаваться в их совокупности, определяясь через отношения между семемами, парадигматические или синтагматические, которые, в свою очередь, детерминируются прагматическим окружением, аксиологическими установками и прочими видами кодирования. Множественность версий мира, предлагаемых различными метафорическими моделями и описываемых бесконечными ассоциативно-отсылочными рядами, делает невозможным окончательное и полное описание действительности.

Структура лондонского текста гетерогенна и полярна, что связано с тем, что при концептуализации одного и того же предмета актуализуются различные его свойства в зависимости от прагматического отношения к нему. Тот факт, что у одного и того же объекта актуализуются различные свойства, позволяет обозначать его разными лексемами; кроме того, в одной и той же семеме, его обозначающей, актуализуются различные семы, отражающие те свойства объекта, которые в каждом конкретном случае выступают на передний план.

В любом случае лондонский текст – понятие относительное и меняющее свой объект в зависимости от коммуникативной интенции автора и интерпретирующей компетенции читателя.

Выводы

Под лондонским текстом понимается формализованное семантическое представление объекта реальной действительности, которое, однако, включает в себя не только объективно истинные признаки; выявление признаков лондонского текста осуществляется на материале английского литературного канона и с помощью строгих интерпретирующих процедур; текст не предполагается структурировать в терминах «центр–периферия»; границы лондонского текста нечеткие, а потенциал для актуализации новых признаков бесконечен; текст характеризуется интерсемиотичностью и многоуровневостью, имеет вероятностный характер.

Анализ ментальных сущностей (в нашем случае – концепта «Лондон») через семантическое исследование соответствующих им текстов, интеграция

когнитивного и семиотического подходов позволяет решить ряд методологических задач:

- использовать в анализе строгие лингвистические процедуры;
- «примирить» языкознание с литературоведением¹¹ и «вторичными моделирующими системами» в рамках общего семиотического подхода;
- показать, что у концепта имеются не только «объективно истинные» признаки;
- описать данный ментальный фрагмент с позиций диалогичности и приращения новых смыслов – в терминах актуализации потенциальных социолектных и идиолектных сем (появление новых интерпретаций текста в новые эпохи, его различные толкования различными социальными группами, текст как продукт не только автора, но и читателя).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.
2. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. 18. – С. 3–29.
3. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. 18. – С. 30–45.
4. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления / В. Н. Топоров // Structure of Texts and Semiotics of Culture. The Hague. – Paris, 1973.
5. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М., 1992. – 270 с.
6. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь, 2000. – 404 с.
7. Стародубцева Л. В. Город как метафора урбанизируемого сознания / Л. В. Стародубцева // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М. : Наука, 1999. – С. 70–122.
8. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров // Семиотика города и городской культуры. Петербург : труды по знаковым системам. – Тарту : Тартуск. гос. ун-т, 1984. – С. 4–29.
9. Гаспаров М. Л. Москва и «Москва» Андрея Белого : сборник статей / М. Л. Гаспаров. – М. : Изд-во РГГУ, 1999. – 316 с.
10. Nelson T. H. Literary Machines : the report on, and of, Project Xanadu concerning word processing, electronic publishing, hypertext, thinkertoys, tomorrow's intellectual revolution, and certain other topics including knowledge, education and freedom / Т. Н. Nelson. – Sausalito : California : Mindful Press, 1981.
11. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré / G. Genette. – Paris : Seuil, 1982 ; coll. «Poétique». – 490 p.
12. Николаева Т. М. Единицы языка и теория текста / Т. М. Николаева // Исслед. по структуре текста. – М. : Наука, 1987. – С. 27–57.
13. Самигуллина А. С. Когнитивная лингвистика и семиотика / А. С. Самигуллина // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 11–24.
14. Бочкарев А. Е. Семантический словарь / А. Е. Бочкарев. – Н. Новгород : Деком, 2003. – 200 с.
15. Ackroyd P. London : the Biography / P. Ackroyd. – London : Vintage, 2000. – 822 p.
16. Hewitt K. Understanding English Literature / K. Hewitt // Perspective Publications, 1997. – 280 p.
17. Bloom H. The Western Canon : the Books and School of the Ages / H. Bloom. – New York : Harcourt Brace & Company, 1994. – 389 p.
18. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс – Культура, 1995. – 621 с.
19. Степанов Ю. С. Предикация / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – Издание на CD-ROM. – М. : Директмедиа Паблшинг, 2008. – С. 3610.
20. Pottier B. Linguistique générale. Théorie et description / B. Pottier. – Paris : Klincksieck, 1974. – 338 p.
21. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье ; пер. с фр., прим., предметно-именной указатель А. Е. Бочкарева. – Н. Новгород : Деком, 2001. – 367 с.
22. Бах Э. Неформальные лекции по формальной семантике / Э. Бах. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 224 с.
23. Моррис Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика языка и литературы : пер. с англ., исп. и фр. языков / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.
24. Тодоров Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров // Семиотика языка и литературы : пер. с англ., исп. и фр. языков / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Радуга, 1983. С. 350–369.
25. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284. – Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Space.html

¹¹ Для теоретического обоснования сходства языка и литературы «заместительный» принцип знака «aliquid stat pro aliquid» оказался недостаточным и он был заменен «принципом высказывания». По словам Ю. С. Степанова, единство языка и литературы обнаружилось в том, что во всех их частях и разновидностях распознаются не знаки, а однородные «ячейки» другого рода – высказывания, в основе которых лежат пропозициональные функции с постоянными и переменными компонентами. Семиотику языка и литературы следует определять как науку о таких знаковых системах, которые обладают высказываниями [27, с. 8].

26. Whittington : the London Encyclopaedia / B. Weinreb, C. Hibbert (eds.). – Bethesda, Md. : Adler & Adler, 1986. – 1029 p.

*Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики (Нижегород)*

Соснин А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков НИУ – ВШЭ (Нижегород), докторант кафедры английской филологии НГЛУ имени Н. А. Добролюбова

E-mail: alexsosnin@mail.ru

Тел.: (831)419-55-21

27. Степанов Ю. С. В мире семиотики (вступительная статья) / Ю. С. Степанов // Семиотика языка и литературы : пер. с англ., исп. и фр. языков / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 5–36.

*National Research University – Higher School of
Economics (Nizhny Novgorod)*

Sosnin A. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod), Post-doctoral Research Fellow of the English Philology Department of the Nizhny Novgorod Linguistics University

E-mail: alexsosnin@mail.ru

Tel.: (831)419-55-21